

Валентин Курбатов – Виктор Самуйлов
Письма

Дорогой Виктор Иванович!

Видите, как у меня быстро – сразу «дорогой», не то, воспитанного Виктора Петровича «уважаемый». Да и то – что мы будем этими тонкостями забавляться и «протоколу» следовать, когда жили не по «протоколу» и теперь уж не научимся – всё будет видно, что играем.

Спасибо Вам за письма Виктора Петровича. Сейчас иркутский издатель Геннадий Сапронов готовит к печати ВСЮ его переписку, какая нашлась на сегодняшний день. А про Вашу и не знал – то-то будет праздник! И опять дивлюсь, какой урок давал нам Виктор Петрович любовью и терпением. Я видел, как он занят, сколько приходит ему ЕЖЕДНЕВНО рукописей и книг -никакого времени только чужое разобрать нет, не то, что свое писать. А вот читает и пишет, и зовет, и готов вместе над рукописью сидеть и поделиться лучшим своим редактором Агнессой Федоровной Гремицкой. И помочь, где может. Он так и мне в начальные годы помогал и рисковал заказывать предисловия к своим книгам и собраниям сочинений – только бы я мог что-то заработать. Хотя ему были готовы писать эти предисловия лучшие критики России да и лучшие прозаики прежней поры. И тем тянул, и дисциплинировал. Хотя я был ему по духу скорее всего чужой. И близки мы не были. Я больше по тонкостям, по европейской литературе, которой по деревенским своим корням и по неграмотности родителей ведать не ведал, всё пытался кого-то догнать, в чем-то не отстать, читал, задыхаясь всяких Сартров и Камю, Борхесов и Павичей, Моруа и Фицджеральдов, Прустов и Джойсов. Да и философию пытался догнать – всех экзистенциалистов, всех Ницше и Хайдеггеров, Ясперсов и Гадамеров. Ему это было немного смешно. Ну и из своих больше читал тех, кто потоньше Нагибиных и Окуджав, Домбровских и Дудинцевых (ко всем в свое время предисловия и послесловия писал). А Виктора Петровича больше слушал. Говорить с ним особенно не разговоришься - тут он водопад. И про наши «разговоры» Марья Семеновна придумала. Всерьез меня Виктор Петрович не брал – смешно было ему, что «крытик» из Чусового, откуда и его Марья, посмеивался, что «в саже завелась». И если звал иногда, тоже больше для Марьи Семеновны, чтобы ей было не так одиноко – отношения между ними были трудные.

А про то, как писать и не пуститься ли в детективы – это Вы нарочно. Нас уже не переделаешь и в переработку непустишь. Сами себя возненавидим. Я пока наспех – получил только позавчера – посмотрел и «Небесный град», и «И вам прощенье...». Всё это мне родное и близкое, сразу слышное. Что может быть святее и роднее обычной жизни, написанной в той простоте, в какой она живет? Помянутый мной Фицджеральд на что умник, а тоже писал, что напиши просто живого человека и выйдет типичный характер, а начни писать тип, то и выйдет мертвечина. У Вас все живы и обнимут Вас ТАМ, где «ни печали, ни воздыханья», потому что никуда писателям от своих героев и ТАМ не деться. А «сочинители», «мастера интриги», «мистификаторы» и «постмодернисты» получают ТАМ от своих героев по полной. «Припекут их черти», как говаривал Николай Васильич Гоголь –

мало не покажется. Пишите как пишется – это сегодня наше главное человеческое сопротивление общему безумию. И не смущайтесь, что у «Гарри Поттера» тираж шесть миллионов, а у нас пятьсот экземпляров. Наши пятьсот стоят их миллионов! Когда народная поговорка вспоминает про праведника, без которого не стоит ни село, ни город, она тут незаметно учит русского литератора, что это по его части, что это нам нем лежит эта ответственность. Много праведников не бывает, они толпами не ходят. И наверно, чувствуют себя одинокими и иногда томятся этим, но на то и праведники, чтобы себя не предавать. И те, кто поудачливее и ловят на жизнь на лету, потом за них же и ухватываются, когда дело доходит до ответа если не на страшном, на своем человеческом суде перед совестью...

04.08.2007

Дорогой Виктор!

Не встречаете, потому что не пишу. А все бегаю, бегаю...

Летом проводил в Иркутске писательские встречи и в утешение и награду трудов получил после одного из вечеров дивную записку от какой-то молодой особы: «Дядьки, вы полный восторг!» Ну, значит, силы тратим не вовсе напрасно. А потом сидел в Михайловском, в Ясной. «Жюрил» Питерский кинофестиваль «Окно в Россию», с горечью видя, что «окно» это чаще выходит на задний двор и на самый сортирный его угол. А уж мату, мату! В жизни столько не переслушаешь, сколько в кино – особенно девичьем. Потом был утешен на вручении премии «Ясная Поляна», потому что там были и имена достойные, и литература не последняя. А уж совсем был обрадован позавчера на церемонии вручения премии «Хранители наследия» в Изборске памяти Саввы Ямщикова. Столько было отлично добрых людей, столько настоящих хранителей памяти Отечества, что я в конце только и мог воскликнуть с Александром Васильевичем Суворовым: «Мы русские! Какой восторг!» и по реакции зала увидеть, что и все про себя говорили ту же фразу – так всем было хорошо и на минуту уверенно, и так потом никто не хотел расходиться.

В общем, живу на бегу, почти ничего не пишу, но огорчения от этого не чувствую, потому что вижу, как иногда важно устное слово и как оно при всей мимолетности действенно. А, может, просто обманываю себя, чтобы оправдать свое безделье...

С нетерпением жду долгой зимы, чтобы запереться в своем углу и, может, и написать несколько строк, вспомнить, как держат перо и каков должен быть наклон и нажим, которым нас учили на чистописании. Буду рад Вашему приезду. И сам с радостью повидаяюсь с Сережей Лузаном.

А про Виктора Петровича Вы правы – забвение торопится расстаться с ним. И я уж не знаю, вспомнит ли кто, что в этом году в ноябре исполнится уже десять лет, как его не стало.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов

И Вы простите меня, Виктор, что пишу редко. Бегаю. То в Иркутск, то в Минск, то в Тулу, то в Михайловское. Везде находятся какие-то дела.

Сейчас вот собираюсь в Ясную Поляну на уже 15-е писательские Встречи, из которых пропустил только две. Там собирается славный, почти уж родной за пятнадцать лет народ. И общественные-то дела не очень решаются, как везде, но простые человеческие узлы часто развязываются, а, значит, с ними потихоньку развязываются и общественные. Да я у них и член жюри премии «Ясная Поляна». Нынче собралось пятьдесят пять соискателей, которых всех надо было прочитать за три месяца – чуть не в день по книжке, а самая тонкая в триста страниц. И почти все пришлось читать с экрана – мода теперь такая: вместо книжки слать электронный вариант – дешевле. А что ты после этого выходишь слепой – он, дурак, не думает. И что расположения у тебя к нему после такого чтения тоже не прибавляется – не соображает. А вот не получит премию, не попадет даже в малый список, тогда узнает. И вот полсотни прочитал, а кого выбрать, так пока и не знаю – ни к одному полностью и радостно не лежит душа. И все умны, как смертный грех, а сердце позабыли. Ненужный теперь это для литературы инструмент. И сам себя поневоле уже чувствуешь обломком затонувшей и обреченной цивилизации. Ну, ничего, Ясная самым покойным воздухом понемногу расставит всё на места.

Покая Вам и здоровья. Ваш Курбатов!

Дорогой Виктор Иванович!

Проходят годы. Память не делается лучше. Всё позабыл. И уже не пишу ни о Викторе Петровиче, ни о Валентине Григорьевиче (издатели переспрашивают: кто это?). Ну, и сам себя забыл. И тоже стараюсь помалкивать. Пора уходить. И так уже вон сколько времени отнял у молодых, которые торопятся сменить нас. И то ведь правда: что мы можем сказать им из нашего навсегда ушедшего и словно не бывшего времени?

Сам чувствую: зажился. И утром, оглядывая книжные полки и картины, накопившиеся за жизнь, уже без печали повторяю за Пушкиным: «Прощайте, друзья мои!»

Горжусь Вами, что из горькой печали Вы выходите со старинным русским достоинством.

А фейсбуком я пользоваться не умею. Простите.
Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

Здравствуйте, Валентин Яковлевич! Я пытался писать Вам в фейсбуке, но наверное не получилось. С опозданием хочу поздравить Вас с ДНЕМ РОЖДЕНИЯ! ПОЖЕЛАТЬ ЗДОРОВЬЯ И ТВОРЧЕСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ! Видел мероприятия, посвященные этой дате, Я рад что вы в добром здравии, что полны жизненных сил и творческих планов. Извините за штампованный язык, потихоньку восстанавливаюсь после инсульта. А тут еще и нога подоспела, откочерыжили, под

попу, потом вторую резали, но сохранили. Сейчас тренируюсь скакать на протезе, трудное дело, а опускать руки не хочу. Вернее не могу, но уж такая планида. Сергей Лузан умер, вы знаете конечно, грозил мне всякими карами! Такие мы люди! Как я говорю своим ребятам... слабаки... <...> Так и работаю. Хотя и пытаюсь издаваться, в (Енисее) издали рассказ «Сапожки». Готовлю детскую повесть к изданию «Посвящение», трудно дается, чуть поработаю и мозги разъезжаются. Устаю быстро, три раза за год мозги отключали, трудноато бедненьким. Хотелось бы услышать слова поддержки от Вас, Валентин Яковлевич, для меня это очень важно, я писал несколько раз Вам, но, наверное, серьезно провинился, если не отвечаете. Прошу прощения за мою невольную глупость, если была такова. Кланяюсь, Валентин Яковлевич! Здоровья и долгих лет жизни!!!

Самуйлов Виктор.

Спасибо, Виктор Иванович,

что напомнили о Викторе Петровиче. Красноярцы вон пожаловались, что в день рождения В.П. о нём и газеты и радио перемолчали. Только один отважный дяденька (а скорее тетенька) в Овсянке на кладбище принесли цветочек. Все стали стесняться. Патриоты нынешние застращали, оставив Виктора Петровича автором одних «Проклятых и убитых» и лауреатом либеральной премии Березовского. Мне тоже еще нет-нет попадает за то, что «пытаюсь выгородить» «Проклятых».

Я еще надеялся в этом году съездить в Овсянку, где жилал летами чуть не каждый год, попрощаться и с ним, и с Марьей Семеновной, но уже ясно, что моровая язва не пустит. Мне ведь уж восемьдесят один – особо не набегаясь. Уже и стыдно немного, что всех пережил: и Виктора Петровича, и Валентина Григорьича, и Евгения Иваныча Носова. Для чего – думаю? Может, договорить то, что они не успели. Да сегодня не разговоришься – все издательства и журналы умолкли. Да и за них не скажешь – ни дара не хватит, ни отваги. Потому и живешь дольше их, что сердцем, как они, не тратился.

Знавали ли Вы в Норильске Серёгу Лузана? Переехал несколько лет назад на Псковщину. И вот в прошлом годе тоже помер. Все мои сибирские ниточки оборвались. Переехали на небо. Поневоле все чаще думаешь, что и самому пора собираться.

Ваш В. Курбатов